

ГЛАВА 1

Не вовремя. Ой не вовремя! Еще две недели, и не к чему было бы придраться. Но люди короля чувствуют момент и являются, как благоверные мужья, ровно тогда, когда оба любовника раздеты. Или когда строительство крепости забуксовало на линии фундамента и грянули такие морозы, что положенный по всем правилам ров придется ковырять, а не копать.

Нея неосознанно приложила ладонь к карману с письмом о грядущей проверке и, скрипнув зубами, подстегнула лошадь.

— Лейтенант! — лениво окликнул Вирш. — На короткой дороге снег по колено, там и зайцы не бегают. Ребята уже развернулись к тракту.

Скрипа зубов опять никто не услышал. Да и вряд ли кто мог предположить, что «железный лейтенант» способна злиться. Она обернулась и зычно крикнула:

— Отставить! Разворот на короткую дорогу. — Когда на нее без энтузиазма посмотрели четыре пары глаз, она четко, так, как забивают гвозди, добавила: — Это приказ.

Не обращая внимания на сплевывающих солдат, Нея жахнула магическим тараном на три метра вперед. Комья снега разлетелись в стороны, и в белой глади появилась рваная глубокая колея.

Нея больше не слышала за спиной ни бранного шепота, ни плевков. Как обычно, ее подчиненные забыли, что она маг. Порой она и сама об этом долго не вспоминала. В ее деле важнее выправка и громкий голос, помножен-

ные на спокойствие, а не магия. Ей до зуда захотелось тоже по-простецки плюнуть под копыта лошади, но она сдержалась и еще раз прошептала заклинание тарана.

Она рассчитывала, что благодаря снегу проверка застрянет на полпути. Но пока о задержке ей не сообщали. Господин Олмер прислал только одного вестника и писал, что прибудет в течение трех дней.

И Нея окончательно поняла, что сугробы способны остановить лишь ее солдат. Потому как ни для строительных обозов, ни для бандитов, которые эти обозы обворовывали, снег по пояс не был уважительной причиной невыполнения плана.

Раз в месяц независимо от погоды к ним привозили с десяток телег с зачарованными камнями для крепости. А бандиты словно по часам их воровали, нагло не оставляя следов. Они, точно невидимки, появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда. Ни магии, ни отпечатков подошв на снегу. Да и грабили как! Загляденье! Оглушали возницу, плетущегося в хвосте, и тихо уводили телегу. Мужик, очнувшись, брел к своим и недоумевал, что произошло.

Ни одни амулет не показал всплесков, ни одно подвластное Нее колдовство не проявило следов. Она почти исчерпала резерв, шепча заклинания, но ничего так и не нашла. Самое время было бы оповестить людей короля, что творится непонятное и строительство крепости тормозят не только морозы, но и бандиты, уводящие зачарованные камни. Но лейтенанту не полагалось докладывать наверх. Для таких рапортов есть комендант.

Да. Комендант пока еще несуществующей крепости. Милый, совершенно седой дядюшка, который приехал с семьей дослуживать, и ему не нужны были лишние проблемы. Возможно, потому он так спешно отбыл поправлять здоровье, стоило объявиться разбойникам на дороге.

Нея сжала кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах и согреть голые руки. К сожалению, в варежках заклинания

не действуют, что в очередной раз доказывало Нее бесполезность магии в повседневной жизни.

Она устала за эти сутки больше, чем ее солдаты, но, как всегда, не подавала виду.

— Выпить бы не мешало, зима в этом году крепкая, — услышала Нея тихий разговор за спиной.

— Приедем, найдем чего-нибудь, — ответил ему другой недовольный голос. — И бабу.

— Хватит уже этих баб, вон есть у нас одна, — ответил третий почти неслышно.

— Магичка не баба.

Послышались еле сдерживаемые смешки, а Нея опять прошептала заклинание тарана. Заваленная снегом тропка срезала путь и позволяла всадникам проехать между вековых сосен, где телегам не пройти. Летом отряды только ею и пользовались. Короткая дорога вдвое сокращала путь и сама была не длиннее пятиста метров. Но сейчас Нея уже сомневалась, что ей достанет сил очистить тропу. Резерв был почти исчерпан.

— А вот Свен к ней ходил и не жаловался, — продолжали солдаты так, как будто отдыхали в кабаке, а не возвращались из леса, где в поисках бандитов провели почти сутки.

— Так он-то скертанец, дитя сурового края. Ему и женщина под стать, — шептал другой, не подозревающий, что по воле рока у Неи был невероятно тонкий слух для чело- века. — Косая сажень в груди.

— Только за одну такую грудь можно плюнуть на то, что наш лейтенант — магичка.

— А за вторую — что с лицом непорядок.

— Да от такой груди глаз можно и не поднимать.

Смех мужиков грохнул и рассеялся в макушках елей. А Нея собралась и бросила последний магический таран, выводя тропинку к расчищенному тракту.

Еще полгода назад лейтенант Нея Харт развернулась бы и устроила выволочку прямо здесь, заставила отжиматься и бежать балаболов за ее лошадью, а себя предусмотр-

рительно опутала бы магической сетью, чтобы в рукопашной не переломали кости. Но сейчас такие разговоры ее не задевали. Кое-какого уважения она добилась, хотя мужики, некоторые в два раза старше ее, часто показывали норов и, бывало, не слушались приказов. Но в основном лишь тогда, когда уезжал комендант. То есть не больше десяти или двенадцати раз за год службы.

На сурово сжатых губах Неи появилась короткая усмешка и исчезла без следа.

Ей бы бандитов поймать, желательно до того, как придет человек короля, а не с солдатами воевать. Но это маловероятно, и, коли вылазки в лес ничем не помогают, Нее оставалось только размышлять.

Сама собой возникла мысль, что среди преступников могут быть маги, такие же слабые, как и в обозах, идущих с камнями. Они способны арканами держать листы железа и расчищать дорогу перед лошадьми, да и только.

Нея поморщилась и признала, что могут быть и более сильные, поэтому и следов они не оставляют. Только пока она полагала, что маги среди бандитов хитрые, но все же слабенькие. Потому как все сильные маги в королевстве учтены и ведут безбедную жизнь где-нибудь в столице. Да и не заманить сильного мага к бандитам, он за один взмах руки может получить горы золота. Зачем ему воровать?

Проехать с ворованным грузом по тракту невозможно, там через день обозы из Скертании с охраной и патруль с заставы. Лишние телеги мимо бы не проскочили, а чистая дорога одна, только по ней и ехать. К тому же если бы бандиты свернули с тракта, то за четыре месяца следы от подвод кто-нибудь бы заметил, не каждый же раз шел снег после кражи.

Вот и выходило, что бандиты отсиживались почти под боком, раз по тракту им не пройти и незаметно с него не свернуть. В какой-нибудь деревеньке, куда изредка тоже прочищали дорогу, или в ближайшем лесу, куда все же проскочили, но выехать из которого раньше весны не смогут — утонут в снегу. И при должном рвении их можно

найти вместе с камнями. Стоило только основательно прочесать окрестности.

Но снег ее солдатам мешал, как четыре левые ноги пьяной собаке. И бандиты могли спать спокойно до самой весны и вместе с тающим снегом покинуть Северную заставу. Все дороги будут свободны, что Нею злило и заставляло гонять подчиненных и в ближайший лес, и в деревеньки. Безрезультатно.

К заставе Нея подъезжала в самом скверном настроении, которое еще сильнее испортилось, когда она увидела распахнутые настежь ворота.

Она кинула быстрый взгляд на дозорную башню, и оттуда ей даже махнули рукой. Но так и не скажешь, кто там сидит — свои или чужие? Жаль, что ее скромный отряд как на ладони. Поздно прятаться и обходить.

Нея нервно и устало вздохнула. Ее пальцы уже давно подрагивали от слабости, но она собрала крохи оставшейся магии и приготовилась к атаке. «Магия способна дезориентировать противника лишь своим наличием, — напомнила себе лейтенант Харт. — Даже если это будет последний залп, он способен решить многое».

Нея тихо приказала солдатам построиться по двое за ее спиной и готовить ружья, а сама, ударив лошадь пятками, влетела во двор. Да тут же чуть не упала со своей покладистой кобылы.

За воротами не обнаружилось ни одного врага... Лишь снежные бабы.

Натуральные снежные бабы. Десять штук. И все на плацу. На том, который должен быть свободен и вычищен. Нея тихо ругнулась.

Нет, бабы выдались хоть куда. С формами. Издали в тулупах сошли бы за дородных женщин. Но уставшей Нее сейчас не хватало только этих баб.

От всей души она наконец-то сплюнула на снег и сшибла остатками своего резерва ближайших снеговиков.

— Сержант Милкот! Во что превратили плац?!

Вопреки громкому окрику и шуму, поднявшемуся от тарана, солдаты не бежали и даже не шли. Никого вообще не было видно.

Лишь один дозорный. Он мог быть спокоен, к нему у Неи вопросов не имелось. Но немногочисленный гарнизон не желал шевелиться. Солдаты выползали по одному, а Нея сильнее сжимала губы и запоминала каждую складку на помятых лицах. Это холодное спокойствие выглядело устрашающе, и солдаты все же заторопились.

— Сержант, — сухо обратилась Нея к высокому заспанному мужчине в шапке набекрень и в расстегнутом тулупе, — докладывайте. Что это все, вашу мать, значит?

Мужчина просто пожал плечами и неторопливо начал застегивать тулуп.

— Рано вы что-то вернулись, — проговорил он. — Не нашли никого?

— Сержант Милкот, докладывать по форме, — спокойно оборвала его Нея. — На вверенной вам территории — бардак.

Мужчина окинул взглядом плац так, будто не видел, что там происходит, и удивленно посмотрел на лейтенанта:

— Вы про баб, что ли?

— Я про одного дозорного в башне, открытые ворота и да, про баб. А все вместе — это ваше увольнение без сохранения пенсии. Это не кабак и не пропускной пункт в Эстексе. Это застава. И в ближайшем будущем приграничная крепость! — Нея говорила не очень громко, просто выделяя нужные слова, и только в конце немного повысила голос.

Она прекрасно знала, что их заставу ни солдаты, ни сами местные до сих пор даже захолустьем не считают. Край мира, говорят они. И не поспоришь: кругом снег, волки. Много волков. Особенно зимой. Да и весной тоже. И летом. Одним словом, воят здесь двенадцать месяцев в году. А застава необходима лишь для того, чтобы хоть изредка устанавливалась тишина, и святой обязанностью

урезанного состава заставы считалось гонять волков. И только потом встречать скертанцев с товарами.

Все к этому привыкли и придерживались разгильдяйского образа жизни. Заложённый фундамент для крепости считался лишь диковинкой и признаком самодурства генералов, решивших после единственного в истории этой заставы ожесточённого боя построить каменные, а не деревянные стены. И сейчас ни один солдат не собирался делать больше, чем обычно. Но Нее это не подходило. Она мысленно уже составляла рапорт на имя коменданта.

— Виноват! — вытянулся сержант и зло щёлкнул каблуками, будто услышав мысли Нее. — Разрешите доложить?

— Докладывайте.

— Дозорный один, потому что Каспин сломал руку. Некем заменить, вы же увели с собой четверых. Я главный, Ирвин по кухне дежурит. Четверо в патруле. Вот и все. А баб снежных, кхм, ведьмак сделал.

— Какой ведьмак? Почему посторонний на заставе?

— Да он не посторонний, он служить к нам приехал. Вчера, — немного расслабляясь, пояснил сержант.

— Где он? — Нее обвела взглядом вымороженную площадку вместе с плацом в бабах, но никаких новых лиц не заметила. Только старые и помятые.

Выползли пока лишь трое. Нее молчала, но все отмечала: и вид, и обеденное время — и про себя уже раздавала наряды и сожалела, что плети как наказание отметили. Не то чтобы она могла назвать себя жестокой, но, видя заspanные и пьяные хари тех, кто должен защищать заставу, руки у нее чесались. Именно из-за таких пьяниц два года назад эту заставу чуть не стерли с лица земли маги Ангерисского королевства. Потому что пьяные солдаты дрыхли в дозорной башне и не видели, как к стенам подошли несколько человек.

— Где ведьмак, Милкот? — повторила вопрос Нее.

— Да сейчас придет, — ответил сержант и в сторону добавил: — Наверное.

— Как Каспин сломал руку?

— Да случайно, — замялся Милкот и неловко поправил шапку. — Упал.

— Сержант, вам наряд вне очереди, — спокойно сказала Нея, понимая, что руку солдат сломал либо по своей нетрезвости, либо в драке. Она считала это виной сержанта, который всех распустил, но, строго говоря, уволить никого она не могла, только пригрозить. — Вчерашним патрульным взять ружья и в обход, а после сдачи дежурства вы поступаете в распоряжение сержанта Милкота на кухню. Драить полы. Всем остальным взять лопаты и почистить плац. Сержант Милкот, ведьмака окунуть в прорубь и приставить к чистке плаца. Выполнять.

— А патруль тут при чем? — подал голос коренастый мужчина с седой бородой и с самым стойким запахом перегара.

— Охрана заступает на сутки, Эрхен. Проходит до деревень и обратно, выезжая на тракт. Вы заступили вчера вечером, сейчас только обед, а никого из вас нет в патруле. Недодежурили. Так что взяли ружья и выполнять!

Нея чуть повысила голос, и солдаты нехотя зашевелились.

Она знала, что лейтенант не должен объяснять свои решения, но кто бы ее приказы выполнял просто так? Иногда ей казалось, что солдаты сами не знают, почему делают то, что она велит.

— За пререкания еще сутки обходов, — добавила Нея, когда Эрхен повернулся к ней спиной.

— Да помилуйте! — воскликнул он, оборачиваясь. — Там ни до одной деревни не дойти, все же замело. Снега по колена! Да и мороз, даже волки залегли.

— Но ведьмак как-то же до нас добрался, — холодно ответила Нея и добавила: — И обращаться по уставу, Эрхен. Подтяните штаны и дуйте на обход.

— Так точно, лейтенант, — вяло откликнулся мужчина и действительно подтянул штаны.

— Сержант Милкот, ведьмака после чистки плаца доставить ко мне, — распорядилась она, наблюдая, как медленно солдаты идут за лопатами.

Милкот, как обычно, только кивнул, забывая о том, что перед ним офицер. Но на это Нея почти не обратила внимания. Про себя она злилась и недоумевала по другому поводу: на кой их заставе ведьмак, когда здесь не хватает рядовых? Припарки от мешков под глазами делать?

Ответы на вопросы Нея могла получить почти сразу от того самого ведьмака, но, когда наотлет распахнулась дверь из общей столовой, она только крепче сжала зубы. Оттуда вышел заспанный парень. Высокий, худой и в одном пальто. Нея опять чуть не выругалась. Ежась от ветра, на пороге столовой стоял холеный блондин. Без шапки, конечно.

— Сержант Милкот, — окликнула она мужчину, который наконец-то дошел до сарая с лопатами, — выдать прибывшему тулуп и шапку, а потом уже лопату.

Блондин заспанно моргнул и уставился на Нею так, будто перед ним на лошади сидела не лейтенант, а коза. Вроде смешно, но уж очень странно, мало ли что у такой козы на уме, раз она влезла на кобылу.

«На Северной заставе вот такие — в тонком пальто — долго не выдержат», — подумала Нея. Да и плевать она хотела на этого щеголя. Одним лентяем меньше, одним больше.

В этот момент Харт, конечно, злилась, но считала ведьмака временным неудобством. Да и мысли ее уже вертелись вокруг кружки горячего чая, от которого поднимается пар. Такого, чтобы руки перестали дрожать, чтобы ушел озноб и чтобы стало тепло.

Нея быстро соскочила с лошади и повела ее к конюшне.

Приказы худо-бедно начали выполнять, а ей еще напоить и протереть свою кобылу, почитать устав на предмет

обязанностей ведьмака, написать в очередной раз коменданту и поразмыслить по поводу краж. Скоро новая партия камней, а у нее ни одной мысли о том, как отловить воров.

Бандиты, королевский чиновник по особым поручениям, ведьмак. «Кого еще принесет нелегкая?» — размышляла Нея, снимая седло.

После закладки фундамента к заставе не было такого внимания. Почти два года тишины, как было ясно из документов. И уже с началом ее службы привезли первую партию камней, а теперь зимой к ним едет человек короля. Неужели комендант передал ее рапорты и чиновник — это не надзиратель, а помощник? В такое почему-то лейтенанту не верилось. Не было среди чиновников по особым поручениям помощников, они приезжали, исключительно чтобы считать недоимки и искать козла отпущения, а не виновника.

Нея похлопала лошадь и из конюшни направилась прямо к двухэтажному дому коменданта. Строили здание в расчете на офицерский состав обычной заставы. В нем было всего четыре комнаты вместе с небольшой каморкой для прислуги. Здесь же был кабинет начальника, в котором стоял небольшой секретарский столик для лейтенанта Харт. Именно она писала все рапорты и занималась остальными бумажными делами, не такими уж мелкими, как кто-то мог подумать.

Сейчас же она взяла устав и пролистала до пункта «ведьма». По какой-то причине устав не признавал мужского рода у этой должности.

Целую минуту Харт смотрела на три строчки, рассказывающие об обязанностях этой редкой птицы в рядах обычных гарнизонов. И тяжело вздохнула. Ей было совершенно непонятно, что делать с ведьмаком.

Нея прошла к плоскому камню, который нагревался при прикосновении. Его сюда привез комендант, особенно не вдаваясь в подробности, что это за вещь и кем сделана. Грелся камень быстро, правда, и остывал так же. Его

назначение было неизвестно, но кружку горячей воды он обеспечивал.

Она только успела сделать один глоток чая, как ее отвлек энергичный стук в дверь, которую тут же открыли. В кабинет вошел ведьмак. Руки он держал в карманах пальто и казался немного скукоженным. Но, остановившись перед ее скромным столом в углу кабинета, почти картинно поклонился, отчего его блондинистые кудряшки подпрыгнули.

— Разрешите представиться, Эзра Фарун, ведьмак в восьмом поколении.

Повисла пауза. Нея осмотрела замерзшего парня, расхаживающего по-прежнему в одном пальто, и отчетливо поняла, что теперь у нее проблемой больше.

— Лейтенант Нея Харт, боевой маг. — Она медленно встала и, облокотившись ладонями на стол, спокойно спросила: — Почему покинули плац? Вам приказано чистить снег.

— Уже почистили. — Он, несмотря на промелькнувшее в глазах недовольство, улыбнулся широко и заразительно, отчего Нея сильнее сжала губы и чуть прищурилась.

— Ясно. Давайте ваше направление на службу. — Нея снова села, а ведьмак, порывшись во внутреннем кармане пальто, вынул чуть помятые бумаги.

Харт ожидала чего угодно, особенно после того, как парень сказал о восьмом поколении. Полагала, что перед ней сильный ведьмак, но, вероятно, беспросветный разгильдяй, раз он здесь. Она к этому была готова. Но ее совершенно выбил из колеи возраст. Парню было двадцать четыре года. Всего на два года меньше, чем ей. Но замерзший и худенький ведьмак выглядел едва ли на восемнадцать.

— Что-то не так с документами? — сухо поинтересовался он, когда Нея нахмурилась.

— Почему вы выбрали Северную заставу?

— Я не выбирал, меня сюда направили.

— Выпускники Высшей школы магии имеют право выбирать себе место службы, — напомнила она об этой прописной истине и предмете зависти всех магов и ведьм, которые не имели ни денег, ни должного уровня магических сил, чтобы поступить в Высшую школу. Принадлежность ведьмака к элите тоже удивила, но не так, как возраст.

А ведьмак между тем поморщился, как будто его подловили на страшной лжи.

— Из всех предложенных вариантов этот мне пришелся по душе. Природа, погода, ну сами знаете, — немного надменно ответил он, что выглядело смешно. Потому как даже в доме он не мог согреться и медленно синел, чем сводил на нет любую надменность.

Нея с интересом посмотрела на бледного парнишку в дорогом пальто. «Идиот», — поняла она и кивнула.

— Сегодня вы в распоряжении Милкота на кухне, завтра тоже и послезавтра.

— Э-э, простите, а у вас принято дежурить по кухне три дня?

— Нет, это особая привилегия, — спокойно ответила Нея, отпивая еще чаю. — Для тех, кто лепит снежных баб.

Ведмак широко открыл глаза, но воздержался от комментариев по теме. Зато после паузы спросил о другом:

— Скажите, а где будет мое рабочее место?

Этот вопрос поставил Нею в тупик.

Она мало знала о ведьмаках и ведьмах, только то, что на войне они каким-то образом помогали с резервом боевым магам. А так... разные про них байки ходили. В основном все сводилось к тому, что этот брат любит пакостить и знает несколько заговоров для улучшения цвета кожи.

«И что за место нужно ведьмаку для таких дел?» — недоумевала Нея. Когда-то давно она слышала, что ведьмы из Высшей школы — это почти маги. Но, видя перед собой кучерявого блондина, не чувствовала в нем боевого резерва, как бывает при встрече магов.

— Пока не могу сказать, — ответила она. — До вас на заставе ведьмаков не было, нужно посмотреть... Но спать вы будете в казарме с солдатами. Сержант Милкот покажет место и выдаст постель.

Шмыгнув носом, парень кивнул и развернулся к выходу.

— Я не отпускала, — остановила его Нея. — В вашем деле я запишу выговор за пьянство и дебош.

— Дебош? — изумился ведьмак.

— Снежные бабы, — пояснила Нея. — И когда решаете уйти, надо спрашивать: «Разрешите идти».

Ведьмак нахмурился и даже как будто стал чуть старше. Ему явно не нравилось, что его отчитывает женщина. Но из-за того, что мерз, не мог достойно выглядеть оскорбленным. Его кожа по цвету напоминала шкуру ошипанной курицы, а плечи в попытке расправиться тряслись от холода.

— И на заставе запрещена выпивка. Думаю, вы не знали, поэтому пока у вас лишь выговор. При повторном нарушении полагается штраф, третье нарушение — лишение жалованья и неделя дежурства по кухне, — закончила Нея, чем привела ведьмака в состояние, близкое к обмороку.

И, вероятно, от нахлынувших чувств он не сдержался:

— Да как тут жить, если не пить?!

Нея на него посмотрела, и ведьмак проглотил следующие слова, только еще сильнее нахмурился.

— Пока все. Можете идти.

Ведьмак зло развернулся к двери, что-то шепча о тяжелой жизни непьющего гарнизона.

— Господин Фарун, — обратилась к его худой спине Нея, и парень посмотрел через плечо. — А как вы к нам добрались по снегу?

— На оленях, с двумя скертанцами, — хмуро ответил он и, опустив взгляд на ее руку, сжимавшую кружку, сказал: — Я могу принести вам зелье для быстрого восстановления, чтобы пальцы не тряслись, но злоупотреблять им

нельзя. Лучше заговор на естественное восполнение резерва.

Нея удивленно отметила, что ее пальцы подрагивают, и кивнула ведьмаку от неожиданности. Хотя пить то, что может принести этот синий мальчишка, она точно не собиралась.

Как только за ним закрылась дверь, Нея еще раз прочитала несколько строк из устава об обязанностях ведьмака.

Ей опять самой придется разбираться. То, что он помогает с резервом магам и ранеными в бою, — замечательно. Но куда ж его деть? Он даже в патруль не должен ходить.

Еще раз пробежав глазами строчки, Нея отложила устав и занялась бумагами. Ей предстояло записать всех, кто пил, и вычесть из их жалованья приличную сумму.

Для лейтенанта это давно стало рутинной. Солдаты ее ненавидели за многое, но больше всего за штрафы. Их она выписывала постоянно, а с приездом ведьмака нарушений будет еще больше. Слишком расхлябанным он был, такие обычно подстрекают на разные глупости.

Нею радовало, что при подобном характере задержаться на заставе у него не получится. Доконают штрафы и выговоры. Хотя, возможно, он раньше озвереет от холода и сам уедет.

Харт торопилась и записывала все коротко, без подробностей. Ей еще необходимо проверить солдат, раздать указания, устроить спарринг. И объявить всем, что снова у заставы шныряют скертанцы на своих оленях.

Не первый раз, тихо обходя заборы, ушлые соседи въезжали на территорию чужого королевства. Естественно, без оплаты. Теперь ей предстояло разобраться еще и с этим.

Нея как-то размышляла, не могли ли эти лихие северные молодцы так же, например, незаметно вывозить камни. На оленях. Но, вспоминая легкие сани и невысоких рогатых животных, сама себе говорила «нет».

Один зачарованный камень для крепости выгружали четверо солдат. На легких санях, которые тащили олени, можно было уместить всего два и лишь проявив фантазию. А на телеге их с десятков. Вряд ли возможно незаметно их выгрузить и распределить по саням.

Нея еще раз вспомнила худого ведьмака и порадовалась, что ее солдаты крепче. Ведьмаков на один камень для крепости потребовалось бы в три раза больше.

Лейтенанта Харт сейчас мало что интересовало, кроме бандитов, но вот вопрос, почему такой образованный ведьмак приехал именно сюда, все же возникал.

ГЛАВА 2

Эзра проклинал день, когда решил, что Северная застава — это лучший способ доказать отцу, что он сможет жить где угодно и без его помощи. Его руки саднило от мороза и холодной воды, спина почти не разгибалась, но ему предстояло еще отмыть огромный котел из-под хлеба.

Такой чистоты, как на кухне этого гарнизона, он не видел даже в королевском дворце, куда однажды был приглашен как выпускник Высшей школы магии.

На просторной кухне со старой ворчливой печью все сияло, хоть и было как будто поношенным. На полу лежали грубые просаленные доски, но дочиста отмытые миллионы раз. Посреди кухни стоял основательный разделочный стол, в трещинах которого не нашлось бы ни одной крошки. На длинных старых полках сияли горшки и банки. По углам гнездились блестящие кастрюли и чаны для готовки.

Эзра за два дня выучил и обматерил каждый скол на этих кастрюлях. А сейчас, отмывая жирный котел с вмятиной на боку, он всерьез опасался, что вторые сутки дежурства по кухне станут последними в его жизни.

Но радовало, что во второй день никто хотя бы не заходил в кухню с каменным лицом и не поднимал брови, видя перед ведром картошки согбенного ведьмака в тулупе.

Утром лейтенант Харт с двумя верховыми выехала к деревеньке, где, по слухам, могли залечь некие бандиты. Ими Эзра совсем не интересовался, а вот лейтенанта надеялся держать в поле зрения. Слишком строгие женщины со времен профессора Тэрволин из Высшей школы вызывали у него изжогу и желание бежать. Но ему везло. Лейтенант провела в разъездах весь день, и гарнизон во главе с сержантом Милкотом спал, ел и играл в карты. На работу по кухне это почти не повлияло, но жить без взгляда в лопатки Эзре стало проще.

Все, кто помогал ему лепить снеговиков, тоже дежурили: чистили бесконечную картошку и мыли посуду. Правда, к вечеру ведьмак опять остался один.

Сколько раз он пожалел, что вообще затеял катать снежных баб, не сосчитать. Но в тот день это ему казалось веселым способом завести приятелей. Шалости очень сближают.

Когда он прибыл на Северную заставу, расслабленные солдаты держали его на холоде около часа. Ведьмак думал, что примерзнет к окошку, из которого веяло теплом, пока они определятся с ним.

Если бы не припасенная им бутылка самогона...

Стоя на ветру, он с горя отхлебнул из горла, а видя заинтересованность с другой стороны окошка, предложил выпить и мужику. Самогон, как всегда, не подвел и подтвердил свою славу как лучшего способа завести дружбу. Ну а там, где выпивка, там и женщины.

Только их не было.

Но вот незадача, солдаты считали, что маги способны наколдовать даже девицу. Мужики слишком расслабились и решили проверить, правда ли Эзра — маг. Слово «ведьмак» они не восприняли всерьез и называли так, как им больше нравилось. Ситуация накалялась. Они подна-

чивали, шутили, а на лицах все чаще читалось желание если не получить женщину, то хотя бы устроить пьяный мордобой.

К Эзре не первый раз цеплялись, он лишь ухмылялся. Для худого парня, который с двенадцати лет общался в основном с боевыми магами, жизненно важно уметь становиться своим любыми способами. Вот ведьмак с легкостью и выдумал ритуал создания женщины. Слепить, выпить, прошептать пару похабных частушек, поплясать, и никого не волнует, что ритуал не сработал. Бабы-то как настоящие. В общем, и без мордобоя повеселились.

— Харт вернулась, — громко оповестил сержант, заходя в кухню. — Сейчас пойдет проверять. Фарун, ты бы поднапрягся.

— Я в напряжении второй день, за это можешь не переживать.

Сержант усмехнулся, схватил с полки кусок хлеба и вальяжно уселся на табуретку у стола.

— Наша Харт такая, умеет напрягать. Но поторопись, она не любит, когда долго возятся. И голодная, наверное, будет. Только про это не переживай, я сам.

Сержант подмигнул Эзре и поправил одежду, будто прихорашиваясь.

Солдаты лишний раз не говорили о своем лейтенанте. За эти два дня на кухне Эзре так и не удалось ничего о ней узнать. И он до сих пор не понимал, как относиться к этой женщине, как себя вести, да и что предпринять.

Ему казалось, что ведьмаки на особом положении в любом гарнизоне. Но Харт так уверенно его отправила дежурить по кухне, что он растерялся, даже почувствовал за собой вину из-за снежных баб. Хотя совесть никогда не была его сильной стороной.

— Слушай, все хотел спросить, а откуда у нее шрамы?

— А кто знает. Но вроде как не боевое, а так, по дурости что-то. Сама вроде, говорят, загубила. Кинулась к дерущимся мужикам. — Сержант дожеввал корку хлеба и чуть прищурился. — А что, приглянулась?

— Была бы она чуть милее и блондинкой, может быть. Но такие воинственные женщины со шпагами точно не по мне. Я же хрупкий, а она чуть махнет рукой и зарубит... в порыве страсти, — с усмешкой проговорил Эзра, и Милкот, похохотав, расслабился.

— Если бы не шрамы, она была бы хороша. Зато со шрамами нам, простым парням, дорога. — Милкот подмигнул ведьмаку.

По его мнению, проблема лейтенанта была не в шрамах, а в характере. Один ее спокойный взгляд пробирал до косточек, а уж когда звучал ее ровный голос, голова сама кивала, принимая любое наказание... даже дежурство по кухне.

Сейчас ведьмак недоумевал, как докатился до такого: чистит картошку, моет котел, спит в казарме. Если бы узнал отец, окончательно плюнул бы на сына. «Беспольный ведьмак», — звучал голос в голове.

От холода Эзра уже не чувствовал пальцев. Он в очередной раз их согнул и разогнул, разгоняя кровь. Подумал и шепнул пару добрых слов. Ведьмовских заговоров для согрева не существовало, зато добрые слова морально успокаивали, хотя на себя они действовали и не так хорошо, как на других. Ведьмакам часто приходилось повышать голос, чтобы наложить на себя тот же заговор, который для других еле шептали. Даже добрые слова, которые не имели магической силы, но хорошо расслабляли, тоже лучше бы произнести громче. Но Милкот мог превратно понять «мой хороший» или «мой милый», а пуще того «дорогой» или «любимый», адресованные себе же. И Эзра шептал еле слышно.

Вообще люди на заставе раньше не видели ни ведьм, ни магов. И, как стало понятно по их скупым словам, своего лейтенанта они опасались в основном потому, что у нее был дар.

Так же опасно солдаты относились к любым неосторожным действиям Эзры. Но это с одной стороны, а с другой — не прочь были бы над ним подшутить, потому как

быстро сообразили, что ведьмак — это не маг и вроде бы не так страшен. На самом деле они сами еще не понимали, что к чему. Поэтому, видя перед собой кучерявого и худого парня, шутили, но стоило ведьмаку как-то чуть громче обычного шепнуть заговор, как все разом замолкали и смотрели волками. Если бы не налет шалопайства, Эзру уже посчитали бы злым духом, наводящим порчу. Но пока все обходилось.

Эзра опять шепнул, но пальцы так задеревенели, что самовнушение и успокаивающие слова не помогли.

— Скажи, а если я заплачú, кто-нибудь из ребят согласится мыть котлы за меня? — Замерзший ведьмак засунул руки под мышки и пересел на табуретку поближе к печке.

Она грела так, что даже окоченевшего ведьмака могла вернуть с того света.

Да, созидатели делали все на совесть.

Солдаты исправно чистили и мыли печь, и даже пауки на ней не заводились. А она отвечала довольным огоньком. Сила созидателей каким-то образом реагировала на отношение к предметам, в которые она заключена. Живая и непонятная, но, как оказалось, очень практичная.

Прибыв на Северную заставу, Эзра окончательно понял, что больше всего в исполнении созидателей ему нравились работающие печи: и тепло, и сытно, и душевно.

— Харт обычно сама всех проверяет, так что такое дело не выйdet, — наконец ответил Милкот.

— Но сегодня ее не было. Слушай, просто один день дежурства за несколько ри. — Эзра посмотрел на отрицательно качнувшего головой сержанта и все же добавил: — И я не скажу ей, где именно вы храните самогон.

Сержант насупил брови и долго смотрел на замерзшего ведьмака.

— Ладно, — сказал Милкот. — Пара ребят за тебя кое-что сделает, но один раз. Дальше сам. Ну и, парень, не обижайся, но теперь ты не с нами. А значит, может случиться что угодно.

Эзра такие угрозы пропускал мимо ушей. Он же не ма-льчишка с даром в три крошки. Ведьмак с помощью ма-гии мог свалить любого верзилу. Правда, обычно он не лез на рожон, потому как иногда кулак бывает быстрее пульсара. Только сейчас был другой случай.

Ради справедливости Эзра показал Милкоту свои руки. Красные и с трещинами.

— Я ведьмак, а не посудомойка! Еще немного, и паль-цы потеряют чувствительность, — преувеличенно горячо заговорил он. — Мои руки не предназначены для мытья полов и котелков.

— Ваши руки годятся только для снежных баб?

Милкот, как по команде, повернулся к выходу. Эзра тоже, но не так нервно, как сержант, и прямо посмотрел на лейтенанта Харт.

— Мои руки годятся для всего, что связано с моей ра-ботой, — ответил ведьмак и, широко улыбнувшись, доба-вил: — И для снежных баб, конечно, тоже.

— Так расскажите о вашей работе, — закладывая руки за спину, как будто с насмешкой предложила Харт. — Мешки под глазами убирать?

Милкот хохотнул. Шутка про мешки под глазами была любимой среди солдат. Неизвестно, откуда они это взяли, но по какой-то причине все считали ведьмаков как будто бесполезными. Хотя это не мешало опасаться их и где-то в глубине души понимать, что не все так просто. Но под-держать «мешки под глазами» каждый считал своим дол-гом.

— И их тоже, — согласился Эзра. — Но обычно наши заговоры лучше использовать для пополнения резерва, восстановления сил, для остановки крови и затягивания ран. Хороший ведьмак может так зашептать ранение, что и шрамов не останется.

Последнее он сказал, глядя Нее в глаза. Но лейтенант никак не отреагировала, даже бровей не подняла.

— Похвальное умение. Жаль, что к таким золотым ру-кам вам досталась такая бедовая голова.

Эзра нашелся бы что ответить, но дверь в кухню резко распахнулась, впуская мороз и двух солдат, держащих под руки мальчонку, замотанного в пуховый платок поверх тулупа.

— Говори, — приказал ему тут же один из мужиков.

Десятилетний ребенок задышался, на ресницах таял иней, а его красные щеки как будто покрылись тоненькой корочкой льда.

— Не знаю, кто был, но точно люди. Они отца чуть не убили. Дядька Тур поднял шум, и они убежали. Точно люди! Не верьте, не волки, а сейчас не знаю, отец не встает.

— Когда это было? — сурово спросила Нея.

— День назад, а сейчас папка и не дышит. — Мальчик почти заплакал.

— Где?

— Зеленая Сторона — деревня это, наш дом второй крайний.

— Почему только сейчас пришел?

— Мать не пускала, говорила, что я заблужусь в снегу, но я знаю все тропинки. А отца, говорит, волки, но не верьте, мужики были.

Мальчик почти не всхлипывал, зубами только стучал да смотрел как-то дико. Харт поджала губы и, кажется, понимала чуть больше остальных.

— Милкот, дуйте за Виршем, он остается за главного. И возьмите три ружья, — распорядилась она.

Пока лейтенант еще что-то говорила, Эзра подошел к ребенку и присел перед ним. Сам взял его руку в мокрой варежке и, стянув ее, прошептал добрые слова. Мальчик не сопротивлялся, но смотрел дикарем. И не взял кружку с чем-то горячим, которую ему протянул солдат.

— Я ведьмак, и меня зовут Эзра, — сказал блондин и улыбнулся, ребенок долго его разглядывал и все же уточнил:

— Настоящий?

— Абсолютно. Вот смотри, я сейчас пошепчу над чашкой, дуну, и вода станет золотой.

Эзра прошептал заговор, и вода начала чуть поблескивать золотом, но потом вновь стала прозрачной. Мальчик за этим следил во все глаза.

— Это теперь волшебная вода. Выпьешь — и сразу сил прибавится.

Ребенок серьезно кивнул, но пить не спешил. Он смотрел на ведьмака, что-то решая, а потом выпалил:

— Спасите отца, а в уплату берите что угодно. И мою кровь. Всю.

Эзра растерялся. Впервые он сталкивался с таким странным суеверием. Но вместо того, чтобы усмехнуться, как обычно, он стал серьезен.

— Я постараюсь помочь твоему отцу. И никакая кровь мне не нужна. — Он чуть подумал и добавил: — Никому ее больше не предлагай, даже если хочешь спасти близких. Это совершенно точно не поможет.

Мальчик насупился так, будто его оскорбили, но вдруг взял чашку и отпил. Уже через минуту он стал спокойнее и не так дико смотрел на все вокруг.

Эзра провел его к печке и усадил на свой табурет. Он уже решил, что поедет к этому раненому мужику независимо от того, что себе думает дамочка в форме. Но стоило обернуться, и ведьмак наткнулся на внимательный взгляд лейтенанта.

— Я за сумкой и с вами.

Эзра даже не стал ждать ответа, а вылетел из кухни.

Без многострадальной ведьмачьей сумки он ходил только на балы да приемы. А в жизни не расставался со своей «подругой». Ее он перекидывал наискось и похлопывал по боку каждый раз, когда брал с собой. Как будто предупреждая: предстоит работа.

Старая затертая кожа обычно странно смотрелась с дорогим пальто, шелковым шейным платком и особенно с начищенными сапогами, стоимшими в десять раз больше

сумки. Но сейчас, надетая поверх тулупа, она вдруг оказалась уместной.

Эзра считал, что в ней сложены все ценности его непутевой жизни. Разделенная на кармашки, она хранила в себе фиалы с зельями разного назначения. На любой случай жизни. Даже зелье от комаров, которое зимой было бесполезным грузом. Но оно, спасшее Эзру когда-то жизнь, теперь всегда оставалось в сумке.

На эту пухлую и затертую великую ценность Харт посмотрела удивленно, но промолчала. Им уже следовало выдвигаться.

Мальчишку оставили на кухне с солдатом, чтобы отогрелся, а сами пустились в путь.

Эзра полагал, что лейтенант вела людей не по наитию, а по меткам или связи, которую могла установить благодаря мальчишке и проложить путь к его матери. Это бы объяснило уверенность Харт. Хотя совсем недавно Эзра думал, что Нея не очень сильный маг, но теперь радовался, что ошибался.

Они прибыли к указанному дому примерно через полтора часа. Эзра неодобрительно покачал головой, представляя, что этот же путь десятилетний ребенок проделал пешком и по холоду. Мать ребенка ведьмаку заочно не нравилась.

Уже стояла ночь, горели только магические светлячки лейтенанта, а мороз крепчал. К двери добротного деревянного домика Харт отправила Милкота. Сама же осталась на приличном расстоянии рядом со своей лошадью и ведьмаком.

На бодрый стук сержанта кто-то огрызнулся и велел идти подобиру-поздорову. Лейтенант не шевелилась, ничем не выдавая своего присутствия. А Милкот начал уговаривать женщину за дверью открыть. Обещал, что только поговорит, и если войдет, то один.

Эзра тоже стоял и ждал. С каждой репликой сержанта он все больше не понимал, почему им не открывают. Осо-

бенно после того, как женщине сказали, что приехали помочь. И тем более когда упомянули сына.

— Почему она не открывает? — не выдержал ведьмак через несколько минут.

— Не доверяет, — ответила Харт, а когда поймала на себе взгляд ведьмака, пояснила, ничуть не меняя железного голоса: — Мне местные не доверяют еще больше, чем остальным. Я маг, женщина и лейтенант. К тому же на заставе всего год. Милкот дольше, его знают лучше. Хотя и ему не доверяют. Считают, что мы можем их обобрать.

— Такое бывало?

— Не при нынешнем коменданте.

— А местные разве у вас не служат?

— Местных не брали, — сухо ответила Нея, спокойно ожидая развязки.

Наполовину угрозами, наполовину просьбами Милкот как-то уломал женщину отворить дверь. Правда, появилась лишь небольшая щелка, но сержант подставил плечо и толкнул женщину в дом. Дальше туда же быстро прошла Харт, а за ней следом Эзра.

К чести хозяйки дома, она не голосила, как и две девочки лет шести-семи. Ведьмак посчитал это хорошим знаком. Точнее, понадеялся, что так люди выказывают доверие, а не страх.

Прежде чем кто-то начал говорить, в середину довольно просторной комнаты с печью протиснулся Эзра и обратился к хозяйке:

— Где ваш раненый?

— А ты кто такой? — грубо и настороженно рыкнула она.

— Я ваше счастье, — улыбнулся он. — И ведьмак по совместительству. Могу помочь.

Женщина моргнула, но раньше ее ответила девочка:

— Там. — И она подрагивающей рукой указала на соседнюю комнату, вход в которую закрывала цветастая штора.

Ведьмак без раздумий пошел туда, прекрасно слыша, что за ним последовали уверенные шаги Харт. Милкота оставили с хозяйкой.

Эзра чуть прикрыл глаза, когда входил в комнату. Мужчина лежал в дальнем углу прямо на полу, прикрытый несколькими тулупами, в том числе детскими. Ведьмак бы попросту оставил без внимания эту гору одежды, если бы его не привлекли разводы на полу. Поняв по ним, где раненый, он в один прыжок оказался рядом с ним. Схватил за руку и на выдохе быстро прошептал заговор, торопясь, но не сбиваясь. Все это он проделал с закрытыми глазами. За эти секунды лицо Эзры побелело. Но шептал он уверенно. А как только заговор закончился, послышался мягкий «шмяк».

Ведьмак упал на пол и потерял сознание.

ГЛАВА 3

За всю жизнь только дважды Нее случалось попадать в ситуации, когда все было не тем, чем казалось.

На войне, когда вместо двух магов их оказалось сорок, просто замаскированных. Да когда комендант предложил погреть постель. Бедный старик покраснел, стоило Нее ответить, что два офицера в одной постели — к войне. Но как позже сказал комендант, «произошел конфуз». Он лишь просил положить в кровать грелку с горячей водой, но не так выразился. Это был первый день его службы, и ни семья, ни слуги еще не прибыли, а самому старику ходить туда-сюда то за грелкой, то за водой не хотелось... Да, бывали случаи. Но чтобы так...

Можно сказать, «произошел конфуз», а по-другому, то бишь матерно, лейтенант Харт выражалась исключительно про себя. Ведьмак смачно шмякнулся на пол и закатил глаза... потому что испугался крови.

«Ведьмак. Увидел. Кровь», — говорила себе Нея, стараясь не смеяться, а заодно и не плакать. Потому как этот

пуганный ведьмак служит теперь на ее Северной заставе. «У Милкота, что ли, самогону попросить?» — пролетела шальная мысль в голове.

Лейтенант моргнула, еще раз посмотрела на плохо затертые следы крови на полу и сделала свой светлячок ярче.

Сама бы она никогда не догадалась, что это кровь. Но ведьмаку можно было верить, шмякнулся он, не жалея себя. На лбище уже вскочила шишка.

«И кто ж лбом-то падает?» — думала Нея и убеждалась, что парень не играл. Такую неуклюжесть поди сыграй.

— Поменьше света, — слышался голос стукнутого. — Пожалуйста.

Лейтенанту очень хотелось ругнуться и еще раз дать парню по лбу, но внешне эти чувства никак не проявились. В комнате опять воцарился полумрак.

Нея могла честно себе признаться, что в первую минуту испугалась. Потому что, когда падает крепко стоящий на ногах и еще минуту назад румяный парень, становится не по себе. Но после двух минут сбивчивого рассказа ведьмака о том, как ему «становится дурно от вида крови», она на это все смотрела иначе. И сдержанно радовалась, что успела надавать этому юнцу по щекам. Рука у лейтенанта была тяжелой, и все, кого она когда-либо приводила в чувство, жаловались на ломоту в скулах и шее. А после и вовсе предпочитали не умирать от ран в присутствии Неи.

Лейтенант смотрела на ведьмака и не знала, что говорить. Все еще бледный парень сидел на лавке и извинительно улыбался.

— Как? — вырвалось у Неи.

Она думала о том, как горе-ведьмак, который окончил Высшую школу магии, мог хлопнуться в обморок от вида крови, но вопрос сформулировала не сразу.

— Что «как»?

— Как вы служили до этого, если не можете выполнять то, что должны, по вашим же словам?

— Да я раньше не служил, — ответил он. — Я у отца работал.

— И что же не остались на прежнем месте?

— Мы повздорили.

Парень замолчал, а Нея тяжело вздохнула.

На нее свалился не просто мальчик, боящийся крови, а *обиженный* мальчик, боящийся крови. Она посмотрела на худого парня с печальным лицом и поняла, что ей даже обнять его захотелось из жалости.

— Что с раненым?

— Жив, — ответил ведьмак. — Я его вытяну. Если тело оботрут от крови.

Нея еле сдержала еще один тяжелый вздох и рывком вышла из комнаты. Милкот сидел на одной лавке с хозяйкой и что-то ей втолковывал, но стоило Нее кивнуть на выход, поспешил за ней на морозный воздух.

— Что она говорит?

— Да ничего толком. Мутно все. Ее муж охотник, он продает скертанцам пушнину. Но со слов самой хозяйки, не особо он удачливый. И говорит, зверье его очень даже могло подрать. А он кое-как добрался потом и лег на пороге.

— И все?

— Все. Говорит, никто не мог мужа избить и что раны от когтей любой дурак отличит от побоев. А у сына, говорит, от страха в голове помутилось.

— И почему же она к нам за помощью не послала или вон в соседнюю деревню за знахаркой, есть же там такая?

— Есть. Про знахарку не спрашивал, но сдается, спешет все на снег. А про нас и так понятно. Целителя на заставе нет, а зачем ей вояки? Только оберут.

— Но мальчик прибежал к нам.

— Да, он подумал, что у нас могут быть травы или еще что такое.

Несмотря на слова Милкота, Нея считала, что этот случай связан с их бандитами.

Деревенские между собой тише разбирались, да и в зиму редко бывали драки. Непростая жизнь сплачивала всех. Чужих, конечно, гнали, но сами крепко держались друг за друга. Поэтому если на мужчину действительно напали люди, то не местные, а таких здесь, кроме ее солдат и бандитов, нет. Оставалось лишь посмотреть внимательно на раны этого охотника, да и поговорить с ним, когда очнется.

Нея теперь была готова каждую минуту шлепать ведьмака по щекам, только бы он привел мужика в чувство.

— Женщина больше ничего не скажет, да?

— Не скажет. Эта не из боязливых, не припугнем... Да, может, так оно все и было? — предположил сержант. — Надо ль бандитам соваться сюда? Зачем? У них свои дела, а здесь свои.

— Ладно, видно будет. Заночуем здесь. Берите солдата и ведите в дом. Вам надо обмыть охотника.

— Что?

— То! Раненого надо обмыть. Заодно внимательно на него посмотрим. Вперед.

Раны не оправдали ожиданий. На мужчине были лишь глубокие борозды от звериных когтей. Видя такое, Нея подумала, что он шел на зверя голым. Тело покрывали длинные, где-то уже гноящиеся царапины. Сам мужчина еле дышал и не приходил в себя.

— Милкот, спросите у жены, он на последнюю охоту в тулупе уходил?

— Да что спрашивать, зима на дворе. Там без тулупа окоченеешь раньше, чем вздохнешь.

— Все равно спросите. И принесите его мне, если он цел.

Когда Милкот вышел вместе с немного позеленевшим солдатом, Нея потрепала по плечу ведьмака, который сидел спиной к раненому с закрытыми глазами и заткнутыми ушами.